

Время и литература
ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ



ОГОНЬ ДУШИ

ЗНАКОМСТВО мое с поэзией Николая Доризо, окрыленной песенно-лирическим даром, началось давно и именно с песни. В 50-е годы особенно популярной была «Помнишь, мама?» Часто исполняемая в концертных залах и по радио Сергеем Яковлевичем Лемешевым, песня покорила необычностью интонации, чистотой поэтического голоса, трогательным лиризмом, пропикая в сокровенные уголки души. Вспоминаются другие, не менее задушевные лирические песни поэта: «Огней так много золотых...», «На тот большак, на перекресток», «Давно не бывала в Донбассе», которые запели не только солисты, но и «безголодые», как сказал в одном стихотворении поэт, то есть все, кто любит и ценит в народе песню. Последняя мне особенно дорога. Это песня-новелла, перенесенная буквально из жизни, рассказывающая печальную историю одной любви. Мне, близко принимающему шахтерскую тему, она раскрыла удивительную тайну художника: в ней ничего не говорится о Донбассе как таковом, и тем не менее песня всецело воспринимается и принимается как шахтерская. Достигнуто это благодаря взволнованному, глубоко проникновенно во внутренний мир человека. Психологиче-

скими средствами, а не перечислением внешних примет. Предметность стиха, достоверность поэтического образа, народность интонации — эти качества в творчестве Николая Доризо не утрачены с годами. В новой его книге «Пока деревья есть на свете» справедливо, заслуженно выдвинутой на соискание Государственной премии СССР, мы опять встречаемся с его миром, с видением необыкновенного в обыкновенном, со стихами, в которых — и неожиданный психологический поворот, и хорошее беспокойство, и широта душевных привязанностей, и непредрешенное чувство, и твердость позиции, словом, все то, что присуще этому своеобразному интеллектуальному художнику.

Поэт должен утверждать и вселять веру в сердца других людей. Но прежде всего он обязан искренне верить во все доброе, в разум человека,

**В его возвышенные чувства
И дерзкой мысли торжество.**

Николай Доризо своими стихами убеждает нас в неизбежности победы светлых начал в человеке. Он гладит рукой тонкий ствол березки, а думает о живом существе, требующем защиты, зывающем человека к человечности. Мир суров, но ведь не может же, не должно случаться такое с нами, чтоб «ни Шекспира, ни Толстого и ни травинки на земле». С гражданской заостренностью он заявляет: «Пока живу, я буду верить, пока я верю — буду жить!» В разговор о вечности бытия естественно и властно вторгается интонация о необходимости сохранения мира, живой природы. И поэт средствами души и сердца служит этому благородному делу.

Мне хотелось начать разговор о новой книге именно с гражданских стихов Николая Доризо. Но тут же я вспомнил ответ поэта на вопрос одного из читателей и почитателей на литературном вечере, делит ли он свои стихи на гражданские и лирические. И поэт ответил примерно так: «У ме-

ня, как и у каждого человека, одно сердце, и я не могу разделить его на две части. Так же обстоит и со стихами...»

Поэзия обращена к чувствам, слово притягивается магнитом души. Однако для настоящего поэта немаловажно, какие мысли он облакает в эти чувства. Николай Доризо — поэт мысли, но поэтическая мысль для него приемлема лишь в том случае, если она несет в себе глубокое волнение, искреннее и неподдельное переживание. Да и сам он говорит: «Мысль чувственна, и тем она прекрасна». Сплав лирического и гражданского является характерной и существенной чертой для лучших стихов поэта. Вот промелькнул за окном вагона полустанок «Минутка». Красивое, эфирное название. Но Н. Доризо раздумчиво заостряет внимание на другом: «Для меня он — минутка, для кого-то — вся жизнь». Однако настоящему поэту и этого уже мало. Изобразив картину, рассказав о том, как старухи сидят у хат, а какой-то парень ждет девчонку, как всюду благоухает сирень, он неожиданно подводит нас к широкому обобщению. Пусть этот полустанок, может, ничем не знаменит,

**Но все ж в часах державы
Минутка та стучит.**

Мысль и чувство органично взаимодействуют, переливаются в стихах Н. Доризо то лукавой смешинкой, то грустным раздумьем, то иронией. Афористическая миниатюра «Безделье продлевать дни, но укорачивает годы» сменяется пронзительной картиной «Летят снежинки над долиной и тают, словно бубенцы».

В ИСКУССТВЕ много зависит от творческой манеры, от метода, которым владеет художник. Избранная Н. Доризо манера поэтического письма, стилистические особенности не позволяют расплываться мысли в подтекст. Он любит сюжет, внутреннее напряжение, конфликт даже в небольшом стихотворении. Его мысль графически четка и выражается в предельно обнаженном, ясном словесном рисунке. Вот, например, стихотворение «Мать и дочь» о двух седеньких, доживающих век вдвоем старушках, встреченных где-нибудь в булочной. Но, оказывается, одна из них дочь, а другая фанатически любящая мать, которая в свое время «женихов разогнала — так ее любила». Лаконичная, сжатая форма — ни слова лишнего, почти аскетическая немногословность. Но из всего этого встает предметное, предельно

точное психологическое раскрытие целого характера, трагической судьбы.

Стихи Н. Доризо всегда открыто и недвусмысленно дают понять, какие боли и радости в этом яростном мире, в нашей быстротекущей жизни занимают ум, тревожат сердце нашего современника. «Копи людское уваженье...» — призывает поэт. Он создает оду душевной доброте, которая ни в какие времена не может быть обесценена, и делает это подлинно художественными средствами, удивительно тонко и мастерски, сравнивая доброту человеческую с лосенком, доверчиво забредшим в жилой поселок. Не останавливаясь на этом удачном поэтическом сравнении, автор метафорически убеждает нас в том, что доброта сильна даже своей беззащитностью: «Верю, беззащитностью своею ты себя сумеешь уберечь». Парадоксальность мысли, удивительная по своей психологической точности и тонкости. Свет, излученный добротой, не может быть ни спящим, ни неверным.

В философских раздумьях о жизни Н. Доризо, беря конкретный, реальный факт, идет от частного к обобщению. И собственная жизнь у него становится как бы мерилем творческого, по-

этического опыта, кристаллизует общие понятия о ценности мира, о жизни: «О, как ты поздно, молодость, пришла». И саму потребность жизни беспокоит душа поэта воспринимает как неуемную жажду творчества, вечную неудовлетворенность собой.

И даже любовь становится в его понимании «жаждой совершенства».

Много вдохновенных строк посвятил Н. Доризо поэзии, людям искусства, отношению человека к творчеству как проявлению любви к природе. Вот одно из лучших таких стихотворений.

**Чем отличается
корявый
этот сук
от дивного скульптурного
творенья?
Прикосновенье
человечьих рук,
порой
все же одно
прикосновенье.
Не создавай все заново,
о нет!
А лишь коснись природы,
словом Эрзя.
Самой природе,
если ты поэт,
как подмастерье
мастеру доверься!**

ТВОРЧЕСТВО как общественная категория и как явление сугубо индивидуальное, личное в единстве своем, в слитности двух этих понятий — труд, вечный, нестареющий, непреходящий, утверждают стихи поэта. Поэтому каждый день, прожитый нами, должен, обязан оставить частичку того, что со временем оценится как смысл существования Человека и человечест-

ва. Но творимое людьми на земле не всегда отмечено меркой творчества.

На первый взгляд могут показаться максималистскими и риторически декларативными заявления автора о «мерках» творчества, о требовательности к себе: «Поэт, будь в замыслах огромен... Суди себя, как судит гений, держи равнение на него». Но это только на первый взгляд, ибо сущность поэтического мышления такова, что никакая комфортабельная скромность ее не устраивает, именно та «скромность», которая опаснее всего для поэтов в частности и для поэзии вообще. Да и значение этих слов гораздо шире. Ибо в наш порывистый век иначе жить нельзя. Это стихи не только и не столько о поэтическом творчестве, о поэзии, а о жизненной позиции человека вообще. Они защищают в человеке человеческое обнаженным доверием, пристрастной убежденностью.

Поэт Николай Доризо широк и в диапазонах творчества, и в жизненных пристрастиях человека. Он дышит озоном своего времени, поэтому почти не возвращается к использованной теме: простор жизни и творческих устремлений так огромен, что, дай бог, успеть затронуть хотя бы его пламенный оком. И поэт с распахнутым сердцем, добрыми устремлениями спешит к нему: «Я все время живу накануне чего-то».

Виктор ЯКОВЕНКО.